

Научная статья

УДК 141

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-5-264-272

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Татьяна Валериевна Плотникова^{1✉}, Виктория Викторовна Посиделова²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,

AuthorID Scopus: 409962, SPIN-код: 9736-6938

²v_posid@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1486-4750, AuthorID РИНЦ: 1248-8914

Аннотация. Цель исследования заключается в социально-философском осмыслении региональной идентичности российского общества.

Методология исследования. Предлагаемый авторами социокоммуникативный подход осуществляет рефлексию регионального социума как социокультурного пространства, в котором региональная идентичность является схемой осознания, понимания и общения людей в контексте нахождения оптимальной жизни в общероссийском региональном пространстве в интеграции региональной этнической и общероссийской идентичностей.

Результат исследования. В анализируемой статье рассматривается недостаточно разработанная в российской научной литературе проблема региональной идентичности в социально-философском аспекте. Смысл обращения исследователей к данному вопросу связан, во-первых, с тем, что региональная идентичность традиционно закреплена в статусе социально-психологического и социологического дискурсов; во-вторых, с тем, что как социально-философская проблематика региональная идентичность ориентирована на проблемы познания субъекта общественной жизни, что, по сути, «отстало» от понимания деобъективированности социального мира и социального человека.

Перспективы исследования связаны с возможностью использования результатов исследования для дальнейшего конструирования региональной идентичности в России.

Ключевые слова: региональная идентичность, социокоммуникативный подход, понимание, региональный социум, общероссийская идентичность, личность, региональные особенности

Для цитирования: Плотникова Т.В., Посиделова В.В. Региональная идентичность в российском обществе: социально-философский аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 264–272. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-264-272>.

Original article

REGIONAL IDENTITY IN RUSSIAN SOCIETY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Tatiana V. Plotnikova¹✉, Victoria V. Posidelova²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,

AuthorID Scopus: 409962, SPIN: 9736-6938

²v_posid@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1486-4750, AuthorID RSCI: 1248-8914

Abstract. *The purpose of the study is to provide a socio-philosophical understanding of the regional identity of Russian society.*

Research methodology. *The sociocommunicative approach proposed by the authors reflects the regional society as a socio-cultural space in which regional identity is a scheme of awareness, understanding and communication of people in the context of finding an optimal life in the all-Russian regional space in the integration of regional ethnic and all-Russian identities.*

The result of the research. *In the analyzed article, the problem of regional identity in the socio-philosophical aspect is considered insufficiently developed in the Russian scientific literature. The meaning of the researchers' appeal to this issue is connected, firstly, with the fact that regional identity is traditionally fixed in the status of socio-psychological and sociological discourses; secondly, due to the fact that, as a socio-philosophical problem, regional identity is focused on the problems of cognition of the subject of public life, which, in fact, «lagged behind» the understanding of the deobjectivization of the social world and the social person.*

The prospects of the study are connected with the possibility of using the results of the study for further construction of regional identity in of Russia.

Keywords: regional identity, sociocommunicative approach, understanding, regional society, all-Russian identity, personality, regional peculiarities

For citation: Plotnikova T. V., Posidelova V. V. Regional Identity in Russian Society: Socio-Philosophical Aspect // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(5): 264–272. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-264-272>.

Введение. Обращая внимание на то, что понятие «идентичность» исторически закрепились в социальной литературе на уровне социально-психологического и социологического контекстов, то в социально-философском анализе идентичность описывается как вторичное явление, что, по сути, свидетельствует об «отставании» философской рефлексии от возникшей социокультурной реальности. Еще со времен Античности философы акцентировали внимание на дилемме «мы — они», разграничительной линии «цивилизация и варварство». Вероятно, отмеченная дихотомия, которая концептуально стала осмысливаться в эпоху модерна, обретает зна-

чение принадлежности, тождественности, осознания своего места в системе мировоззренческих координат как следствие периода освоения старых и новых социокультурных пространств или как показывает опыт XIX–XX вв. легимитизации национализма, расизма и ксенофобии.

Английский социолог-постмодернист З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» полагал, что современное общество является подвижным, разделенным, обобщенным, его ожидает взрыв идентичности, поскольку, несмотря на противопоставления традиционному модернити, оно является обществом «взрыва» идентичностей [1].

Поэтому есть причина размышлять о характере идентичности, о том, что ей придает-ся чрезмерное значение и за ней может скрывать-ся беспомощность или тенденциозность в отказе от классического рационального анализа. Так как российское общество завершило постсоветский транзит и обретает черты состоявшегося, понятие идентичности требует осмысления в целях реализации концепции национально-государственной, социальной, культурной политики. Имеет значение, каким образом государство и общество будут придерживаться согласия и диалога в поддержании конкретных индификационных стратегий. Это важно в условиях предсказуемого желания коллективного Запада расчлнить Российскую Федерацию, стимулировать очаги межнациональных и региональных напряжений, активизировать дезинтеграционные процессы путем усиления влияния антисистемных сил внутри страны, поддержания режима санкций, вмешательства региональных «держав» в процесс консолидации народов России.

Нельзя скрывать, что наблюдается тихая «агрессия» одобрения этнического и регионального сепаратизма, что ушедшие вроде бы на периферию движения региональной фронты (уральская республика Э.Э. Росселя, кубанский регионализм Н.И. Кондратенко, объединенный регионализм Е.С. Строева) актуализируются в период централизации и мобилизации общества для переформатирования позиций «региональных» групп, ориентированных на оппозиционные действия в отношении реформ между федеральным центром и регионами, вплоть до модели конфедеративного устройства, «полусувверенизации» регионов. Таким образом, потенциально может возникнуть рискогенная ситуация, когда региональные элиты станут активными в рамках политики сохранения своих позиций в структуре власти, распределения богатств. Чтобы не быть заложниками подобной «страшилки», на уровне государственной политики своевременно осуществляются меры по регионализации социально-экономического и социально-политического пространств: система действий по омоложению губернаторского состава по принципу лояльности и профессионализма, координация региональных и общенациональных

проектов, постоянный мониторинг ситуации в регионах, переход от политики финансовых трансферов к расширению компетентности региональных элит в управлении страной, что является упреждающими и стимулирующими обстоятельствами в контексте региональных политик. Но актуальным остается вопрос о придании этому процессу динамичности и открытости, вовлечении региональных социумов в созидательную работу по укреплению гражданской идентичности россиян, воспитанию патриотических ценностей и пониманию региона как социокультурного пространства в рамках целостного российского государства.

Региональная идентичность, которую можно охарактеризовать как осознание на групповом и личностном уровне принадлежности к региональному социуму, как общую судьбу, как осмысление связи с общероссийским пространством, нуждается в исследовательском внимании в контексте и адаптации к изменившимся условиям жизни и анализе смыслов и значений, связанности и общности людей, поддерживающих чувство солидарности. Важным методологически положением нужно считать рефлексию процессов взаимодействия и коммуникаций в социально-философском разрезе описания аутентичности человека в экзистенциальном смысле, его озабоченности местом в социальной иерархии, способности и возможности осуществлять свою «волю» через установление зависимости между жизненным миром и институциональной системой региона [2]. Иными словами, необходимо определиться в пространственном и концептуальном характере общения и дискурса.

В изложенном контексте региональная идентичность является общественной необходимостью, потребностью, интересом, создающим или усложняющим условия совместной общественной жизни, баланса общественных, личностных и групповых интересов, самодетерминации и самоорганизации в рамках регионального социума. Как следствие — самоотнесенность с региональным социумом как естественным и желаемым состоянием личности, что является не только «физическим» состоянием по факту рождения, но и социальным способом включенности внутренних перспектив личности в интер-

субъективное пространство, осознание региональной идентичности как базового условия жизненного мира.

Методология исследования. Теоретические подходы, связанные с изучением идентичности, можно разделить на классические и неклассические, что связано с определенными типами рациональности. Важным методологическим допущением следует считать, что региональная идентичность определяется ассоциируемостью с региональным социумом, региональным сообществом, определенным конкретным социальным пространством, имеющим социально-идентификационные основания. В контексте заданной проблемы для научного интереса представляется важным понимание сущности региональной идентичности, релевантной, социально-коммуникативной парадигм, предложенное Ю. Хабермасом, смысл которого состоит в том, что конкретное региональное сообщество может быть отличаемо от общего социального порядка и вместе с тем не представлять риска для общенациональной идентичности [7]. Второй важный момент состоит в том, что действует диалект «раскола и объединения» как взаимосвязь общественной жизни. Это означает, что региональная идентичность может быть истолкована в статусе нормативного сознания населения региона. В-третьих, следует понимать, что нельзя сосредотачиваться на политике унификации региональной жизни, потому что утрата региональных особенностей ограничивает ресурсы устойчивого регионального развития. Такое положение видно в сфере регионального туризма в России, которая создает треть перспективных рабочих мест. Поэтому дискуссия о региональной идентичности не является чисто академической, и судьба «малых городов» России стала началом углубления дискурса региональной идентичности, которая, как правило, в исследованиях соотносилась и до сих пор соотносится с этнической идентичностью.

В свою очередь, в работах Л.М. Дробужевай, Е.М. Арутюновой, Р.М. Валихетова региональная идентичность как цель категоризации социального пространства определяется на основе изучения процессов межгрупповых отношений и межгруппового сравнения. Необходимо отметить, что клас-

сический подход к региональной идентичности понимался как осознание принадлежности к региональному социуму на основе разделяемых представлений об общей территории, субкультурных, диалектальных смыслов и исторических традиций российской государственности [3].

Современный неклассический подход ориентирует на субъективный фактор региональной идентичности как регионального самосознания. В то же время в рамках данного подхода в российском дискурсе идет обсуждение о гражданской идентичности с вопросами о региональных общностях и субъективных различиях региональных социумов. Здесь речь идет о понятии культурной дистанции между жителями конкретных региональных социумов, которые определяют поведенческие практики региональными элитами.

В то же время М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова рассматривают различные типы образования субъектности в региональном обществе как механизмов регулирования интегративных и деинтегративных процессов, противоположно влияющих на становление общероссийской идентичности [5]. В работах В.А. Ядова можно выявить конструктивистский подход, связанный с включением конкретного социального субъекта в структуру социальных взаимодействий, акцентом на трансформирующую роль регионального сообщества, на преобразование межличностного порядка в общесоциальном контексте [6]. Признавая значение общих подходов, носящих социологический характер, можно утверждать, что смысл заключается в изучении и осмыслении региональной идентичности в философском аспекте как парадигмы устойчивых и общезначимых норм, объясняющих воспроизводство и развитие регионального социума, описание интерсубъективной (обыденной) реальности, значимой для людей в качестве субъективно-ориентированной культурной обстановки.

Данный методологический выбор определяет исследовательский интерес к региональной идентичности, что позволяет обратить внимание на динамику образов и представлений о региональной идентичности в массовом сознании, сравнить ее с нормативным порядком и с взаимосвязью населения регионального социума с организацией

социальной жизни, с формированием рациональных и субъективно-иммативных отношений к прошлому, настоящему и будущему регионального социума, с организационными формами взаимодействия, вырабатываемыми в процессе освоения и проектирования регионально-социальной среды.

Таким образом, социально-философский аспект региональной идентичности позволяет определить процессуальность и коммуникативность, динамику и статику региональной идентичности, провести диалектический синтез общественной жизни, что позволит раскрыть участие регионального социума и существующих отношений в региональной идентичности как связывающее звено между личностью, группой и региональным социумом. Вероятно, сохраняется редукционизм по правилу иерархии идентичностей. Опыт критического освоения теоретического наследия отечественной и зарубежной науки позволяет предположить, что роль идентичности как средства типизации социального мышления и действия несколько недооценена, и в связи с этим региональная идентичность должна рассматриваться как обеспечение непрерывности повседневности, включающее нацеленность на будущее региональных социумов, содержание которого позволит воспроизвести единое общерегиональное пространство с ассиметричными-симметричными региональными, этническими и общероссийскими идентичностями.

Результаты. В российском обществе до начала XX в. доминировало имперское сознание в элитах и местничество в «народных массах». Более того, имперское сознание, определяемое как наднациональность элит, приверженность ценностям самодержавия, стимулировало определенным образом национальное самосознание отдельных народов, в частности финского, в противоположность влиянию шведов и в то же время ограничивало национализацию русских, что обоснованно считалось источником риска кризиса империи со стороны государствообразующего народа [11]. В этом контексте местничество как закреплённость к общине поддерживалось в качестве традиций, оно искусственно воспроизводилось в рамках политики подданства. Однако развитие капиталистических отношений

в Российской Империи, рост городов и губерний создали в начале XX в. прецедент «областничества», стремление расширения самоуправления, гражданских прав и формирования автономий регионов. Классическим примером является «сибирячество» как движение промышленников, купцов и интеллигенции с целью обратить внимание правительства на интересы развития Сибири как ключевого для России региона. Однако, областники не были политически оформленным движением и не создали эффекта массовости, сосредоточенного на направлениях умеренного конституционализма, требованиях к царской власти в духе наступивших краткосрочных либеральных перемен 1905–1906 гг. Более того, следует говорить о том, что областники Сибири, Уральского края, Кубани, Дона, являясь преимущественно интеллигентским сословием, в основном разделяли иллюзии конституционалистов, для них региональная идентичность ассоциировалась с необходимостью преференций и экономического развития, культурного строительства и являлась способом нейтрализации революционных настроений, таких как социал-реформисты, которые искали компромисса с властью на местах. Но ситуация в России связанная с событиями Первой мировой войны и последующими революциями, практически перечеркнула будущее областнического движения, к тому же члены такого движения в глазах представителей новой власти выступали как пособники белогвардейщины (участие в деятельности контрреволюционных движений в Сибири, Кубани, на Дону). Региональная идентичность сузилась до осознания локальности в условиях выдвигания большевиками классовой борьбы, замены культа народа культом пролетариата и стала восприниматься как пережиток прошлого.

Советское государство с системой политической и идеологической централизации, вплоть до завершения истории пролетарской страны, рассматривало регион в политико-правовом и народнохозяйственном аспектах. Тем самым в социально-философском контексте это начало означать, допускать символические компоненты того, что можно обозначить региональной идентичностью как интерьер к сложившейся идентичности советского человека [4]. Закономерным стало развитие фольклорной идентичности (фено-

мен художественной самодеятельности и хорового пения). 1990-е гг. XX в. постсоветского периода характеризовались серьезными проблемами дезинтеграции страны, всплеска волны регионального сепаратизма и стремлением по схеме этносепаратистов сконструировать самостоятельные региональные этносы, претендующие на статус субъектности на уровне с этнотерриториальными образованиями в системе государственно-политических отношений.

Реальным примером подобного толкования регионального этносепаратизма может служить реакция региональных элит на построение модели ассиметричных отношений с федеральным центром на основе договоров с субъектами федерации. В этом контексте социально-когнитивный определитель региональной идентичности определялся как способность населения регионального социума к самоорганизации и мобилизации в условиях поддержки стратегии региональных элит на повышение статуса региона.

Региональная направленность идентичности привнесла рискованный смысл в жизнь региона, противоречие между стремлением повысить роль региона как интегратора различных полей социального пространства с одной стороны, а с другой — необходимой тенденции консолидации регионов со стороны федеральных властей, в арсенале которых не мог быть актуализирован ресурс советской идентичности. Возникали определенные проблемы с ростом этнической идентичности, и как следствие — возник вакуум идентичности в российском обществе. В этот период сформировались мифы о столицах и регионах России, возник эффект «москвофобии», который в определенной степени воспроизводится и в настоящее время [9]. В либеральной литературе получило обоснование концепции практик внутренней колонизации, критики власти посредством участия региональных субъектов, в политическом процессе создающих эффект псевдогражданской активности [10].

Для понимания эволюции региональной идентичности важным является взять за точку отчета самоорганизации (саморегионализации) малых городов России, которые воспринимались прагматически в условиях социально-экономической нестабильности,

символически как очаги сохранения региональной самобытности. В контексте формирования в 2000-х гг. новых коллективных идентичностей, связанных с логикой общественной консолидации, реальностью стал сдвиг к общественному договору власти на федеральном уровне, имеющий последствием спад протестной идентичности и компенсирующую роль региональной идентичности, позволяющие в определенной степени снизить неудовлетворенность этностатусными предпочтениями как следствием давлением этнократии. Региональная идентичность не обладает высоким мобилизующим потенциалом, но очевидно, что такие составляющие, как историческое прошлое, родная земля, территория, получили в современных условиях форму функций региональной идентичности и в современном российском обществе, если исходить из стратегии поддержки российской властью освоения восточных территорий, нацелены на преодоление промежуточной идентичности, носящей миграционный потенциал, к модели закрепления региональной идентичности как неотъемлемой черты российского патриотизма, повторения опыта советских людей, осваивающих просторы Сибири и Дальнего Востока.

В контексте региональной идентичности важным становится влияние интернет-пространства, которое способствует унификации культурно-информационной компетентности населения регионов и сохранению поколенческих и территориальных различий [8]. Можно констатировать, что какими бы ни были перспективы новых социальных сетей, региональный социум ориентирован на традиционность, на возможности влияния на решения региональных властей с целью улучшения качества жизни и преодоление периферийности, удовлетворение актуальных потребностей населения регионального социума. Для того чтобы понять, какую роль играет региональная идентичность в формировании единого российского пространства, нужно говорить о стратегии закрепления социально активного населения в регионах, прекращения неравного миграционного обмена между регионами и столицами и региональной инклюзии как явления замкнутости в региональном пространстве.

Региональная идентичность в классическом варианте может использоваться для кон-

сервации границ и особенностей региональной культуры. Однако в современном российском обществе региональная специфика формирует дискурс развития и основана на убеждении, что принадлежность к региональному социуму как социокультурному пространству ориентирует на поддержку и одобрение региональных движений в контексте экологизации региональной среды, природоохранной деятельности, защите культурного наследия, а в социально-экономическом аспекте — поддержке малого и среднего бизнеса. Немаловажно, что региональная идентичность становится «оборонительным» инструментом сопротивления политики безответственности корпораций и стимулирования равноправного взаимодействия общественных и государственных институтов. Потребительская или достиженческая мотивации, содержащиеся в региональной идентичности, вытесняются на второй план сословной корпоративности ради перехода к модели позитивной идентичности, универсализированности значения и действия, интегрирующего региональную, этническую и общероссийскую идентичности.

Заключение. Рассматривая региональную идентичность как предметное поле социально-философской рефлексии, мы не можем удовлетвориться замечанием междисциплинарного знания, пытаясь тем самым сформировать социально-философский концепт существующей социокультурной реальности. Социальная философия в современном научном знании востребована в качестве социально-когнитивной миссии, обращающей внимание на экзистенциальное измерение региональной идентичности, ее связи с жизненным миром человека и институтами общества. В этом контексте выводом можно считать актуальность социо-коммуникативного подхода как адекватного в воспроизводстве дискурса об идентичности как сферы понимания взаимоотношений между личностью, группой и обществом. Региональный социум как социальное пространство, содержащее компоненты культуры, традиций, природы, не только определяет идентичность человека физически, по месту рождения, но и закрепляет его положение в качестве субъекта регионального социума, интегрированного в систему взаимных ожиданий и обязательств, способных минимизировать риски

социального недовольства, и, отойдя от поддержки властями, через механизмы взаимной ответственности утвердить общественный контроль над деятельностью региональных элит, которые в современных условиях нуждаются в национализации и регионализации.

Если на уровне страны речь идет о включении элит в процесс реализации и защиты национальных интересов путем отказа от позиции вынужденной лояльности, то для регионализации важной становится традиционная схема власти и богатства, создающая барьер на пути региональной идентичности в инициативное состояние, органически дополняющее общероссийскую идентичность, представляя сегмент в пользу понятия России как страны регионов и общего дома для всех народов.

Данное положение не является декларативным при условии, что позитивная динамика общероссийской идентичности как связи с российским обществом не конкурирует со связью с местным сообществом, с «земляками», которое из понятия обыденного свойства становится узлом соединения социально-пространственной и социально-территориальной идентичности, трансформации массового сознания регионального социума в качестве выбора общей судьбы разделяемого населением региона. Это подтверждает основополагающий вывод, что в российском обществе региональная идентичность создает условия для полуцентричности, равенства центра и столиц и становится механизмом конвертации в разнообразных инициативах по действию власти и общества на региональном уровне. И это, пожалуй, не ставит под сомнение социально-философскую аргументацию переживаемого обществом исторического момента.

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
3. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра /

Отв. ред. ред. Л.М. Дробизева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

4. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.

5. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый Хронограф, 2015. 624 с.

6. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 640 с.

7. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М.: Академический Проект, 2003. 560 с.

8. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+; РООИ; Реабилитация, 2010. 712 с.

9. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

10. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.

11. Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. История императорской России. От Петра Великого до Николая II. М.: Междунар. отношения, 1994. 448 с.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Per. s angl. V.L. Inozemceva. Moscow: Logos, 2002. 390 p. (In Russ.).

2. Benhabib S. Pritjazanija kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuju jeru [The claims of culture. Equality and diversity in the global era]. Per. s angl. V.I. Inozemceva. Moscow: Logos, 2003. 350 p. (In Russ.).

3. Grazhdanskaja, jetnicheskaja i regional'naja identichnost': vchera, segodnja, zavtra [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today,

tomorrow]. Otv. red. red. L.M. Drobizheva [In L.M. Drobizheva (eds.)]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2013. 485 p. (In Russ.).

4. Gudkov L. Negativnaja identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov [Negative identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; VCIOM-A, 2004. 816 p. (In Russ.).

5. Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia]. Moscow: Novyj Hronograf, 2015. 624 p. (In Russ.).

6. Rossija: transformirujushheesja obshchestvo [Russia: a transforming society]. Pod red. V.A. Jadova [In V.A. Yadov (eds.)]. Moscow: KANON-press-C, 2001. 640 p. (In Russ.).

7. Social'naja filosofija: Slovar' [Social Philosophy: Dictionary]. Sost. i red. V.E. Keмеров, T.H. Kerimov. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2003. 560 p. (In Russ.).

8. Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy [Social epistemology: ideas, methods, programs]. Pod red. I.T. Kasavina [In I.T. Kasavin (eds.)]. Moscow: Kanon+; ROOI; Reabilitacija, 2010. 712 p. (In Russ.).

9. Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pjatnadcat' let spustja [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. Otv. red. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova [In M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova (eds.)]. Moscow: Ves' Mir, 2018. 312 p. (In Russ.).

10. Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii: sb. statej [There, inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia: Collection of articles]. Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina [In A. Etkind, D. Uffelmann, I. Kukulina (eds.)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 960 p. (In Russ.).

11. Cherkasov P.P., Chernyshevskij D.V. Istoriya imperatorskoj Rossii. Ot Petra Velikogo do Nikolaja II [History of Imperial Russia. From Peter the Great to Nicholas II]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 1994. 448 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 25.09.2022; принята к публикации 13.10.2022.

The article was submitted on 08.09.2022; approved after reviewing on 25.09.2022; accepted for publication on 13.10.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотникова Татьяна Валериевна — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области социальной и политической философии, проблем трансформации социального поведения, поведенческих парадигм и моделей политической практики. Сфера научных интересов включает исследование социокультурных факторов национальной и цивилизационной идентичности, проблемы развития креативности в социуме, методологические аспекты когнитивной деятельности, философские аспекты развития научно-технической сферы общества в условиях глобализации.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Tatiana V. Plotnikova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in social and political philosophy, problems of transformation of social behavior, behavioral paradigms and models of political practice. Research interests include the study of socio-cultural factors of national and civilizational identity, problems of creativity development in society, methodological aspects of cognitive activity, and philosophical aspects of the development of the scientific and technical sphere of society in the context of globalization.

69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Посиделова Виктория Викторовна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой «Иностранные языки», Ростовский юридический институт МВД России.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Victoria V. Posidelova — Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

83 Eremenko st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Плотникова Т. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Посиделова В. В. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Plotnikova T. V. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Posidelova V. V. — writing the source text; final conclusions.